

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО.

Антропология до сих пор далеко не выяснила вопроса, что такое национальность; больше того, самый вопрос о том, существует ли она, как реальное антропологическое явление, или же представление о национальном типе есть не больше, чем одна из человеческих иллюзий, не может считаться окончательно решенным. Никто не сомневается, однако, что если не как антропологический факт, то по крайней мере как иллюзия, национальность не только существует, но имеет могущественное влияние на умы человечества и является причиной многих и притом весьма важных политических событий; в этом смысле она—воистину конкретный исторический факт. Оставляя совершенно в стороне антропологическую сторону национального вопроса, попробуем рассмотреть его исключительно с государственно-правовой точки зрения, поставив его, следовательно, так: как государство нормирует отношения между отдельными национальностями, живущими на его территории, чтобы избавить себя от той упорной и тяжелой, иногда кровавой борьбы, которую ведут национальности почти во всех государствах с пестрым в этнографическом смысле населением.

Не задаваясь, таким образом, задачей выяснить сущность национальных различий и дать точное определение понятия национальности, мы все же должны предварительно условиться относительно терминов. Несмотря на то, что термины: народ, народность, нация, национальность—являются терминами ходячими, они, тем не менее, не имеют строго определенного и общепринятого смысла.

Словом „народ“ переводят обыкновенно латинский *populus*, французский *peuple*, немецкий *Volk*, английский *people*, тогда как „нация“ есть латинское слово (*natio*), совершенно одинаково пишущееся по-немецки, по-французски и по-английски (*Nation*). По-немецки словом *Volke* обыкновенно обозначается совокупность граждан одного государства, так что выражение „немецкий народ“ покрывает обыкновенно и немцев, и датчан, и поляков, поскольку они являются гражданами Германской империи, по не австрийских, тем паче не швейцарских немцев; термином же „нация“ обозначается обыкновенно совокупность людей, не организованных в единое государство, но связанных единством языка, единством культуры, един-

ством истории, или по крайней мере, единым национальным сознанием. Под польской нацией, таким образом, разумются поляки, говорящие по-польски и чувствующие себя именно поляками, безразлично, являются ли они гражданами Германской, Австрийской, Российской империи, или даже Заатлантической республики.

Говоря паче, „народ“ есть термин государственного права, а „нация“—термин этнографический, с которым государственному праву приходится, однако, считаться. „Национальность“ в этом употреблении является термином производным от нации, для отвлеченного понятия, означающего психологическую принадлежность отдельной ли человеческой личности или целой нации. Говорят: „этот человек отличается чертами своей национальности“; „в нем говорит его национальность“; „его национальность сказала в этом его поступке“. „Каждая народность (*Volksstamm*)—гласит § 19 австрийской конституции—имеет право охранять и развивать свою национальность (*Nationalität*) и свой язык“.

По-французски и по-английски термины „нация“ и „народ“ употребляются обыкновенно как-раз в противоположном смысле: выражение „французская нация“ обыкновенно означает во Франции совокупность граждан французской республики, а не совокупность людей, объединенных общностью французского национального сознания; по-французски говорится о договорах, соглашениях и войнах между „нациями“, тогда как немецкий язык предпочитает в этом случае говорить о „народках“; в самом наименовании международного права (*Völkerrecht*) интернациональным правом (*droit international*) звучит отголосок именно такого употребления термина „нация“.

Немецкое употребление терминов несомненно ближе к первоначальному смыслу латинских слов и потому филологически правильнее; бьда только в том, что проводится оно далеко не последовательно. Так, в немецком тексте венгерского закона 1868 года о национальностях говорится, что „все граждане Венгрии в силу основных принципов конституции образуют неделимую, единую венгерскую нацию (*Nation*), членом коей является каждый гражданин отечества, к какой бы национальности (*Nationalität*) он ни принадлежал“. Эдьс термин „нация“ употреблен так, как он обыкновенно употребляется по-французски, а вместо термина „нация“ в обычном немецком смысле употреблен отвлеченный термин „национальность“, обыкновенно имеющий на немецком языке несколько другое значение или, по крайней мере, другой оттенок значения¹⁾.

¹⁾ Вообще в Венгрии, как в законодательных актах, так и в обычном разговоре, термин нация и национальность понимается именно так, как он употребляется в приведенной статье закона, и это понимание отражается и в официальном

Русское словоупотребление отличается еще меньшей последовательностью и точностью. В общем оно ближе к немецкому. Мы тоже охотнее говорим о „народѣ“ в государственном смысле, чѣмъ в смыслѣ этнографическомъ; для насъ въ понятіи „русскій народъ“ можетъ войти и полякъ, и еврей, и украинецъ, тогда какъ говорить о „русской націи“ въ этомъ смыслѣ мы рѣшительно не въ состояніи. Мы говоримъ, что русскій народъ велъ войну съ японцами, не смущаясь тѣмъ, что въ рядахъ русскихъ войскъ были и поляки, и евреи; но рядомъ съ этимъ мы можемъ сказать, что въ Россіи живутъ разныя народы: русскіе, поляки и т. д., хотя охотнѣе выразимся: „національности“ или „народности“. Слово „нація“ вообще звучитъ для насъ, какъ слово иностранное, недостаточно усвоенное русскимъ языкомъ, и до сихъ поръ ему чуждо. Въмѣсто него мы почти безразлично употребляемъ термины „національность“ и „народность“, причѣмъ придаемъ имъ не характеръ отвлеченно-психологическій или не только такой характеръ, а одновременно и характеръ этнографическій, обозначая ими совокупность людей, объединенныхъ общностью историческаго происхожденія, культуры, языка или, по крайней мѣрѣ, національнаго сознанія. Нѣкоторое различіе въ отбѣнкахъ между этими двумя терминами можно видѣть въ томъ, что терминъ „національность“ обозначаетъ единство національнаго самосознанія независимо отъ какихъ бы то ни было объективных признаковъ, а терминъ „народность“ обозначаетъ совокупность людей, объединенныхъ именно таковыми объективными признаками: общностью языка или чего нибудь другого.

До сихъ поръ мы говорили о культурѣ и языкѣ съ одной стороны и національномъ самосознаніи съ другой, какъ о явленіяхъ совпадающихъ. Въ дѣйствительности это не совсемъ такъ. Національность создается цѣлымъ рядомъ признаковъ. Сюда входятъ общее происхожденіе, общая культура, общая исторія, создавшая историческія традиціи, единая территорія и иногда государственная организація; сюда входятъ далѣе религія, языкъ; во ни одинъ изъ этихъ моментовъ (даже помимо государственной организаціи, съ которой національность совпадаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ) не является безусловно обязательнымъ для созданія національности.

ныхъ и неофициальныхъ немецкихъ переводахъ венгерскихъ актовъ и книгъ. Въ этомъ словоупотребленіи вольно или неволью скрывается опредѣленная тенденція, или, по крайней мѣрѣ, опредѣленное политическое направленіе находить въ немъ очень удобную опору для себя. Опредѣляя теоретически „венгерскую націю“, какъ совокупность всѣхъ гражданъ венгерскаго королевства, тогда какъ обычное словоупотребленіе склонно называть венгерской націей именно мадьяръ, венгерскіе акты и политическіе писатели противопоставляютъ ей вѣнцевъ, румынъ, словаковъ, хорватовъ, евреевъ, какъ „національности“, живущія на территоріи Венгріи. При помощи такой передержки или подгасовки можно довольно легко приходить къ желательнымъ выводамъ.

Объективныхъ признаковъ для опредѣленія національности часто нѣтъ вовсе, и тогда для него приходится довольствоваться признакомъ чисто-субъективнымъ. Если человекъ считаетъ себя полякомъ, значитъ — онъ полякъ, хотя бы онъ не былъ католикомъ, хотя бы онъ былъ оторванъ отъ польской территоріи и хотя бы даже онъ забылъ свой языкъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ, однако, онъ по большей части себя полякомъ считать не будетъ). Если человекъ, происходящій отъ польскихъ родителей, отказывается отъ наименованія поляка, то, хотя бы онъ былъ католикомъ, хотя бы онъ жилъ въ Польшѣ, его все же не слѣдуетъ признавать за поляка. Таковъ единственный рациональный принципъ, котораго слѣдовало бы держаться и при статистическихъ вычисленіяхъ національнаго состава давняго государства, и при созданіи разныхъ культурныхъ учреждений (школъ, академій и т. д.) для отдѣльныхъ національностей. Въ дѣйствительности, однако, въ большинствѣ случаевъ государства ищутъ признаковъ объективныхъ. Даже при статистическихъ вопросахъ обыкновенно отсутствуетъ вопросъ о національности, который замѣняется вопросомъ о родномъ языкѣ или о языкѣ обиходномъ, несмотря на то, что этотъ вопросъ приводитъ къ множеству статистическихъ недоразумѣній и часто лишаетъ статистика возможности правильно опредѣлить національный составъ населенія.

Именно національное сознаніе, исторически выросшее изъ многихъ элементовъ, но въ каждый данный моментъ не связанное обязательно съ какимъ бы то ни было изъ нихъ въ отдѣльности, именно оно лежитъ въ основѣ всѣхъ національныхъ притязаній, предъявляемыхъ національностями къ государству. Характеръ и объемъ этихъ притязаній весьма разнообразенъ¹⁾, но ихъ основа — національное сознаніе — остается одна и та же. Національное сознаніе заставляетъ польскихъ націоналистовъ стремиться, по крайней мѣрѣ, въ своихъ крайнихъ мечтаніяхъ, къ государственному воссозданію исторической Польши, не смущаясь тѣмъ, что историческая Польша включила бы въ свои границы значительное населеніе не-католическое и говорящее не по-польски; то же національное сознаніе, по склонившееся передъ неумолимыми требованіями дѣйствительности, въ томъ числѣ національное сознаніе польскаго пролетаріата, поскольку онъ представленъ польскою партіей социалистичной, а отчасти и польскою социалдемократіей, требуетъ по крайней мѣрѣ автономіи Польши въ предѣлахъ десяти губерній Царства Польскаго.

Національное сознаніе чешскихъ націоналистовъ добывается чешскаго государственнаго права, сводящагося къ объединенію трехъ земель австрійской короны (Вогемія, Моравія, Силезія) въ одну государственную единицу, свя-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. выше, въ статьѣ Рудольфа Ширингера. Гед.

завную съ остальной Австріей на началахъ реальной уніи или федераціи, вѣдшимъ символомъ чего должно служить коронованіе австрійскаго императора историческою чешскою короною св. Венцеслава; требуетъ оно этого тоже, нисколько не смущаясь тѣмъ, что въ объединенной такимъ образомъ Чехіи окажется весьма значительное не-чешское населеніе.

Национальное сознаніе большинства негосударственныхъ національностей лежитъ въ основѣ стремленія къ образованію такого государства, сувереннаго или хотя бы несувереннаго, или въ крайнемъ случаѣ автономной провинціи. Стремясь обратить свою націю въ народъ, т. е. облечь ее въ государственную форму, національное сознаніе негосударственной національности съ теоріи признаетъ обыкновенно подобныя же стремленія и другихъ національностей и опирается на теорію національнаго государства.

„При современныхъ требованіяхъ, говоритъ сторонникъ этой теоріи А. Градовскій¹⁾, политическая власть должна быть органически связана съ народомъ²⁾, который она представляетъ, и, наоборотъ, каждое національное общество, способное къ самостоятельной исторической жизни, имѣетъ право образовать свою политическую форму, согласно своимъ стремленіямъ и потребностямъ. Другими словами, національный принципъ отнынѣ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

„Каждая народность, т. е. совокупность лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, языка, цивилизаціи и историческаго прошлаго, имѣетъ право образовать особую политическую единицу, т. е. особое государство.

„Такова политическая основа національнаго вопроса въ современномъ смыслѣ этого слова. Новый принципъ, очевидно, былъ враждебенъ системѣ искусственныхъ государствъ, сложившихся въ прежнее время и организованныхъ вѣдскимъ конгрессомъ, т. е. трактатами 1815 г.“.

„Мы говоримъ, говоритъ Градовскій далѣе³⁾, что по общему правилу государство тогда только прочно, правильно обезпечено въ своемъ внутреннемъ развитіи, когда оно построено на основѣ народности и служитъ національнымъ цѣлямъ,—что искусственныя государства не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія, что они не могутъ обезпечить коренныхъ условій гражданской свободы. Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить все свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они, въ силу вещей, должны бывать подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитие

свободы кажется имъ опаснымъ потому, что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства непрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и вѣдшняго нападенія. Матѣйшее пробужденіе общественной жизни внутри кажется предвѣстникомъ грознаго переворота. Усиленіе сосѣда вызываетъ тревожныя опасенія. Правительство такого государства поставлено въ весьма фальшивое положеніе. Оно вѣчно должно питать подозрѣніе къ собственному обществу, зависть къ сосѣдямъ.

„Можетъ ли оно разрѣшить великія нравственныя и экономическія задачи, къ которымъ призвано государство?“

Итакъ, нація должна совпадать съ народомъ, всякая негосударственная нація естественно стремится стать государственной націей, создать для себя государственную форму; въ этомъ стремленіи сказывается здоровое чувство; наоборотъ, всякое государство должно стремиться стать національнымъ, всякое же неаціональное государство по общему правилу есть государство искусственное, неудовлетворяющее своему естественному назначенію, держащееся на насиліи, и потому слабое, не прочное.

Такова націоналистическая теорія государственнаго права въ своей чистой и яркой формѣ, весьма популярная у сторонниковъ національныхъ притязаній негосударственныхъ національностей, по находящая своихъ adeptовъ также среди національностей государственныхъ (особенно у венгерцевъ, у итальянцевъ; большую симпатію къ ней питали наши славянофилы, вѣдственно отголоски ученія которыхъ слышались у Градовскаго, несмотря на его постоянную полемику со славянофилами; она популярна также среди пангерманистовъ и т. д.). Правда, теоретики національностей государственныхъ обыкновенно тотчасъ же забываютъ о ней, какъ только приходится примѣнять ее къ національностямъ подчиненныхъ⁴⁾, но смыслъ теоріи отъ этого не измѣняется.

На пути къ своему практическому осуществленію въ жизни націоналистическая теорія встрѣчала однако непреодолимыя препятствія. Государство тѣсно связано съ единствомъ территоріи; хотя государства безъ такового существуютъ и нынѣ (Баварія, Пруссія), а раньше существовали въ гораздо большемъ числѣ, но именно къ нимъ наименованіе ненормальныхъ, искусственныхъ можетъ

¹⁾ А. Д. Градовскій. Собраніе сочиненій, Т. 6. Сиб. 1901 г. Стр. 13—14

²⁾ Здѣсь слово „народъ“ употреблено, очевидно, вмѣсто „нація“ или „национальность“.

³⁾ Градовскій, *ibid.*, стр. 27.

⁴⁾ Такимъ же забвеніемъ своей собственной теоріи страдаетъ и Градовскій, когда ему приходится говорить о полякахъ, которыхъ, по его живлю, „губить“ мечта о польскомъ государствѣ, воплѣ оправдывающая „подозрительное отношеніе русскихъ къ каждому движенію на берегахъ Вислы“. *Ibid.*, стр. 605.

быть приложено съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ къ государствамъ, населеннымъ разными національностями; если они могутъ сохраниться долгое время, то только либо при условіи полнѣйшаго деспотизма, когда государство является вотчиной правителей, совершенно не заинтересованныхъ интересами и чувствами подвластныхъ имъ народовъ¹⁾, либо когда на нихъ, какъ на государствахъ несuverенныхъ, не лежатъ важнѣйшія обязанности государства. Напротивъ, лишь весьма и весьма немногія современные національности связаны съ опредѣленною округленною территоріею. Поэтому весьма рѣдко національное стремленіе къ государственному бытію становится въ явное и рѣшительное противорѣчіе съ официально проповѣдуемою его собственными сторонниками національною теоріею государства; весьма рѣдко оно заключаетъ въ себѣ элементы національнаго шовинизма, стремленіе къ подчиненію и подавленію чужихъ національностей, и не можетъ обойтись безъ нихъ въ силу непреодолимыхъ условій.

Таковъ почти всегда націонализмъ государственныхъ національностей; таковъ націонализмъ русской, или, точнѣе, великорусской національности въ Россіи, нѣмецкой въ Германіи и Австріи, венгерской въ Венгріи. Этотъ націонализмъ исходитъ изъ убѣжденія, что господствующая національность имѣетъ право на власть (конкретно это выражается въ стремленіи предоставлять мѣста на государственной и общественной службѣ преимущественно людямъ своей національности), что ея языкъ долженъ пользоваться всеми преимуществами языка государственнаго и быть языкомъ суда, школы, общественныхъ учреждений, арміи и т. д., а что всѣ остальные національности подлежатъ насильственной русификаціи въ Россіи, германизации въ Германіи и Австріи, мадьяризации въ Венгріи и т. д.

Если государственныя національности предъявляютъ такія притязанія совершенно открыто, обосновывая ихъ на фактъ победы, мотивируя ихъ интересами государства, которое должно быть национальнымъ, чтобы быть сильнымъ и прочнымъ, то ихъ же иногда предъявляютъ въ скрытой формѣ національности не государственныя, но стремящіяся и надѣющіяся стать таковыми. Идеаломъ чешскихъ националистовъ въ Австріи является образованіе чешскаго государства, въ которомъ по необходимости имѣлось бы весьма значительное число нѣмцевъ, (а также поляковъ и евреевъ), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы этотъ идеалъ осуществился, то въ этомъ государствѣ чехи явились бы національностью господствующей, ихъ языкъ былъ бы признанъ государственнымъ, и нѣмцы были бы сведены на то самое поло-

¹⁾ Прекрасный примѣръ этого: Австрія соединенная въ 1714—1797 г. т. е. въ теченіе почти всего XVIII вѣка съ территориально отдѣленными отъ нея Миланскимъ герцогствомъ въ одно государство.

женіе, въ которомъ въ настоящее время оказываются въ Австріи чехи. Поляки въ Галиціи не создали особаго польскаго государства, хотя бы и не сувереннаго; но они добились положенія господствующей націи, ихъ языкъ тамъ пользуется положеніемъ государственнаго, и это отражается на приращеніи положеніи украинцевъ.

Такимъ образомъ, стремленіе національности къ государственному бытію далеко не всегда порождается только желаніемъ охранить свою національность отъ поглощенія другими; не рѣдко оно порождается не въ меньшей степени жаждою власти и господства, рѣдко оно подразумеваетъ подчиненіе какой нибудь другой національности. Поэтому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ борьба одной національности за государственное бытіе не вызываетъ протеста во имя такого же національнаго чувства, причемъ такой протестъ исходитъ не только отъ господствующей національности, противъ которой непосредственно направлена борьба, а также отъ другой тоже подавленной націи. Если итальянцы, боровшіеся за національно-государственное бытіе противъ Австріи и собственныхъ династій, вызывали среди широкихъ массъ всей Европы горячее сочувствіе, если почти такое же сочувствіе досталось на долю поляковъ, боровшихся (1863) за національное освобожденіе, то это сравнительно рѣдкія исключенія. Напротивъ, венгерцы, боровшіеся въ 1848—49 г. за свою національную свободу, встрѣтили сильное противодействіе среди хорватовъ и не вызвали къ себѣ симпатій со стороны другихъ столь же, какъ они сами, или даже болѣе подавленныхъ національностей Австріи. И это понятно: въ націоналистическихъ притязаніяхъ венгерскихъ революціонеровъ хорваты явственно слышали противопоставленіе негосударственныхъ національностей—государственной или должествующей стать таковой мадьярской націи. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали это опасеніе. Точно также во имя національнаго объединенія Германіи принесены были въ жертву національныя чувства датчанъ и эльзась-лотарингцевъ.

Очевидная невозможность разрѣшенія національнаго вопроса посредствомъ образованія государствъ изъ всѣхъ нынѣ существующихъ націй, другими словами, посредствомъ обращенія всѣхъ націй въ народы, и вытекающая отсюда очевидная (при современныхъ условіяхъ) аристократичность этой идеи заставила искать другого разрѣшенія національнаго вопроса и привела къ совершенно иной постановкѣ его.

Вопросъ ставится въ большинствѣ случаевъ такъ.

Имѣется ли способъ, и если да, то въ чемъ онъ состоитъ, чтобы урегулировать взаимныя отношенія различныхъ національностей, живущихъ въ одномъ государствѣ?

Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы найти условія мирнаго сожителства національностей, смѣшанныхъ на общей территоріи.

Какъ известно, въ настоящее время эта задача не разрѣшена въ полномъ объемѣ нигдѣ, гдѣ только дѣйствительно существуютъ различныя національности. Она кажется разрѣшенной лишь въ такихъ странахъ, какъ Швейцарія и Бельгія. Въ дѣйствительности, однако, въ нихъ собственно говоря нѣтъ различныхъ національностей, противопоставляющихъ себя другъ другу и имѣющимъ различное национальное сознание; поэтому въ нихъ нѣтъ национальной борьбы, и, слѣдовательно, национальный вопросъ не только не разрѣшенъ, но, въ сущности, даже и не поставленъ.

Объединенная, а не разбѣдшенная общими національными сознаниемъ, народы Швейцаріи и Бельгіи, говорящіе на разныхъ языкахъ, по чувствующіе свое культурное и политическое единство, не имѣютъ стремленія властвовать одинъ надъ другимъ и считаютъ самое полное уваженіе къ правамъ другъ друга.

Въ Швейцаріи, правда, раньше было вѣчно шное. Образованіе швейцарской національности есть дѣло сравнительно недавняго прошлаго. Въ XVIII вѣкѣ она только зарождалась и скорѣе предчувствовалась въ сочиненіяхъ такихъ патриотовъ единой Швейцаріи, какъ историкъ Юганъ Мюллеръ, чѣмъ была на дѣлѣ; тогда жители каждаго кантона чувствовали себя самостоятельнымъ народомъ или націею¹⁾: то же самое національное самосознаніе сохранилось въ первой половинѣ XIX в., и только со времени конституціи 1848 года, положившей начало швейцарской федераціи, эта національная обособленность начала сглаживаться и уступать мѣсто обще-швейцарскому национальному сознанию. Это стало возможно именно благодаря тому, что швейцарскія народности вступили въ союзъ на федеративныхъ началахъ, договаривались другъ съ другомъ, какъ различныя, сохранивъ все свои права. При такомъ процессѣ образованія швейцарской національности не было времени для возникновенія національнаго вопроса. Если въ Швейцаріи имѣется національность, то воплоти-

¹⁾ „Gesch. der Republik Zürich“ Вуппль (1-й томъ вышелъ въ Цюрихѣ въ 1847 г.) признавала, какъ объявляетъ самъ авторъ въ предисловіи, „для цюрихскаго народа“. Въ различныхъ сочиненіяхъ по исторіи отдельныхъ швейцарскихъ кантоновъ мы постоянно встречаемъ выраженіе „цюрихскій народъ“, „шафгаузенскій народъ“, „швицскій народъ“ и т. д.: при этомъ одинъ такой народъ противопоставляется другому не какъ государство только, а какъ опредѣленная культурная индивидуальность, имѣющая рѣзко выраженное національное самосознаніе. Совершенно то же самое имѣло мѣсто въ древней Греціи: несмотря на сознаніе расоваго и культурнаго единства всехъ эллиновъ, эллины сознавали себя отдельной націей, со своими национальными чертами, со своими собственными богами, и въ этомъ смыслѣ противопоставляли себя спартанцамъ или ахейцамъ; совершенно также, какъ въ израильтянскомъ народѣ во времена судей отдѣльными коленъ имѣли каждое свое національное сознаніе.

слившаяся въ національномъ отношеніи съ остальными швейцарцами, то это романы, въ небольшомъ числѣ живущіе въ Граубюнденѣ; они говорятъ на особомъ романскомъ языкѣ (Romansch), не имѣющемъ ни въ Швейцаріи вообще, ни въ Граубюнденѣ въ частности, тѣхъ правъ, которыми пользуются остальные три языка страны.

Инымъ путемъ, но приблизительно къ тѣмъ же результатамъ пришла Бельгія. Экономическія причины заставили валлонцевъ и фламандцевъ почувствовать единство своихъ интересовъ и ихъ противоположность интересамъ фламандцевъ Голландіи. Такимъ образомъ, и тамъ не было времени для постановки національнаго вопроса, и на очередь былъ поставленъ (и довольно удачно разрѣшенъ) лишь вопросъ о равноправіи языковъ, вопросъ сравнительно легкій, когда онъ не осложненъ болѣе острымъ національнымъ вопросомъ.

Иногда указываютъ на Соед. Штаты, какъ на страну, гдѣ национальный вопросъ разрѣшенъ; но это совершенно не вѣрно. Правда, многіе иммигранты изъ Европы по большей части чрезвычайно быстро ассимилируются съ американцами и обращаются въ настоящихъ янки, такъ что у нихъ не хватаетъ времени, чтобы достаточно рѣзко поставить свой національный вопросъ. Правда и то, что по отношенію къ иммигрантамъ изъ Азіи, китайцамъ и японцамъ, можно ставить вопросъ лишь объ отношеніи государства къ иностранцамъ, но ни въ коемъ случаѣ къ инородцамъ, т. е. не национальный вопросъ въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ этого слова. Но таковой стоитъ въ Соед. Штатахъ въ формѣ вопроса негракаго и индѣйскаго, и стоитъ въ весьма острой формѣ. Именно между неграми и индѣйцами съ одной стороны (въ особенностяхъ первыми) и бѣлыми американцами, съ другой, существуетъ антагонизмъ, имѣющій все признаки антагонизма національнаго: антагонизмъ, сказывающійся во всевозможныхъ стѣсненіяхъ, въ преслѣдованіяхъ, въ дикихъ проявленіяхъ суда Лича съ дикими его приговорами, произносимыми представителями одной національности (или скорѣе расы) надъ представителями другой.

Приблизительно такъ же дѣло обстоитъ вездѣ, гдѣ только на территоріи одного государства живутъ различныя націи.

Вездѣ ведется упорная борьба между господствующей и остальными національностями, и вездѣ стоитъ на очереди дойти, еще окончательно не разрѣшенный вопросъ. Вездѣ господствующая національность стремится сохранить, укрѣпить или углубить свое господство, вездѣ остальные національности ведутъ упорную борьбу за то, чтобы избавиться отъ лежащаго на нихъ гнета и добиться уравненія національностей или даже положенія господствующей— для себя. Взаимное недовѣріе и внутренняя борьба между подавленными національностями, вызываемая именно тѣмъ, что лишь находящіеся въ исключительныхъ условіяхъ національности мечтаютъ о полномъ

уравнени, тогда как остальные стремятся к господству, является главным препятствием для их победы; тем важнее хотя бы теоретическое разрешение вопроса о возможности действительного равенства и мирного сожителства национальностей на одной территории.

В ряду других принципов демократии нашего времени имется идея национальной равноправности, как политическая идея, которую демократическая партия стремится положить в основу государственной политики по отношению к национальностям. Эта идея выражена в 19 ст. австрийского конституционного закона 21 декабря 1867 г. „Объ общих правах граждан“. Вот эта статья:

„Все народности государства равноправны и каждая народность (Volkstamm) имется неотъемлемое право охранять и развивать свою национальность и свой язык. Равноправность всех народов, существующих в стране, признается государством в школах, управлении и общественной жизни. В землях, где живут несколько народностей, общественные образовательные учреждения должны быть устроены, таким образом, чтобы каждая народность, не будучи принуждена изучать второй язык, могла получать необходимые для обучения на своем языке средства“.

С первого взгляда на эту статью конституции можно подумать, что национальный вопрос в Австрии разрешен и что национальная вражда не может в ней иметь места. В действительности, однако, при более внимательном взгляде на эту статью и при изучении ее в свете жизненной практики, делается ясным, что она дает безграничный простор толкованию в любом направлении, не имется конкретного содержания и потому вопроса вовсе не разрешает¹⁾.

Еще общее и как будто еще справедливее выражена та же идея в ст. 4 прусской конституции. „Все пруссаки равны перед законом. Сословные привилегии отменены. Публичные должности при соблюдении установленных законом условий равно доступны для всех, способных к их отправлению“. Так как слово „пруссаки“ употреблено здесь не в национальном, а в государственном смысле, так что под ним следует разуметь и поляков, и датчан, то ясно, что по букве конституции ни о каком национальном угнетении не может быть и речи. И, однако, несмотря на наличие этой статьи конституции, на практике оказывается возможным внесению в ландтаг законопроект о принудительном выкупе земель у польских землевладельцев для усиления немецкой колонизации.

В феврале 1908 г. проект, принятый общими палатами ландтага, стал законом¹⁾.

Этот закон—особенно яркое проявление национальной борьбы и национальной гнетности, причем выразившегося не в форме стеснения прав языка или религии; закон этот пытается грубо-эгоистическими материальными выгодами небольшой кучки людей, прикрывающих их борьбу за германизацию польских областей. Мотивом к этому закону откровенно выставляется стремление к „усилению немецкого элемента в Познани и Зап. Пруссии“ и желание распространить в данной местности немецкий язык; однако, при определении лиц, имения которых подлежат принудительному выкупу, решающим моментом служить не то, знает ли не знает данное лицо польский язык, а его польская национальность, т. е. именно польское чувство и настроение, поскольку местные власти сумели бы о них осведомиться. Таким образом, в силу этого закона у поляка, который приобрел себе землю в Познани, отнимают эту землю только потому, что он пруссак-поляк, а не пруссак-немец. Такой же характер имется школьный закон 1886 г., в мотивах к которому прямо говорилось о необходимости назначать в польские общины учителей „с определенно немецким образом мыслей и чувств“. Ясно, что теоретическое признание в законе или конституции национального равенства не только не гарантирует такого равенства в жизни, но может ужиться с совершенно откровенно выраженным стремлением к полному уничтожению всякой не государственной национальности.

Если такое отношение к национальностям мыслимо там, где конституция гарантирует равноправие всякой человеческой личности, то тем более мыслимо оно там, где нет конституции, где человеческая личность не имется даже в теории неотъемлемых прав.

Как образец закона, ясно и откровенно выражающего националистическое чувство господствующей национальности, не желающей ничем делиться с подчиненной ей национальностью, может быть приведен ст. 464 русского Учреждения Судебных Установлений (Судебные Уставы 1864).

„464: Судопроизводство в судебных установлениях Варшавского судебного округа происходит на русском языке“.

Примечание. В гражданских судах может быть допущено употребление и того языка, на котором говорит местное население, в тех случаях, когда стороны и участвующие в деле лица не знают языка рус-

¹⁾ См. выше статью А. Филлея „Нация“.

¹⁾ См. выше статью Ю. Марклевского „Полки в Пруссии. Ред.“

скаго. Но и въ сихъ случаяхъ приговоры, рѣшенія, вообще всѣ акты, отъ суда исходящія, должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ“,

т. е. языкѣ, котораго не знаютъ стороны, и который часто плохо знакомъ даже судьямъ.

Это, очевидно, не путь къ разрѣшенію національнаго вопроса, даже не путь смягченія національной розни, а путь ея обостренія.

Совершенно иное отношеніе къ вопросу объ языкахъ мы видимъ въ Бельгій.

Ст. 23-я конституціи гласитъ.

„Пользованіе языками, употребляемыми въ Бельгій, факультативно: оно можетъ быть регулируемо только закономъ и исключительно для актовъ правительственной власти и для судебныхъ дѣлъ“.

Мы видѣли уже, что подобная статья конституціи можетъ прекрасно уживаться съ практикой самаго беззащитнѣйшаго, самаго неприкрытаго чело-вѣколюбиваго, и потому не можемъ удовлетвориться ею одною. Но именно въ Бельгій, такъ же какъ въ Швейцаріи, мы безъ труда найдемъ доказательство того, что эта статья не есть пустой звукъ, какъ въ Австріи или Пруссіи.

Закономъ 17 августа 1873 г., однимъ изъ тѣхъ законовъ, которые были предусмотрены приведенною сейчасъ статьею 23 конституціи, было регулировано употребленіе языковъ въ судѣ.

Согласно съ этимъ закономъ въ мѣстностяхъ съ господствующимъ фламандскимъ населеніемъ, языкъ суда признается фламандскій; но если подсудимый (въ уголовныхъ дѣлахъ) или отвѣтчикъ (въ гражданскихъ) требуетъ языка французскаго, то слѣдствіе и пренія ведутся по французски и приговоръ выносится по французски же. Но каждое участвующее въ дѣлѣ лицо (свидѣтель, истецъ, экспертъ и т. п.) можетъ говорить на любомъ языкѣ. Протоколъ ведется на обоихъ языкахъ, или, точнѣе, къ протоколу, какъ и ко всѣмъ документамъ, которыми пользуется судъ или которые исходятъ отъ суда, обязательно прилагается переводъ на другой языкъ, причемъ всѣ издержки по переводамъ возлагаются на казначейство. Всякое нарушеніе этихъ правилъ, всякое стѣсненіе правомъ пользованія любымъ языкомъ для кого бы то ни было изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ является вполнѣ достаточнымъ кассационнымъ поводомъ; но пользоваться имъ сторонамъ почти не приходится, такъ какъ случаевъ его нарушенія почти не бываетъ.

Закономъ 22 мая 1878 года нормировано употребленіе фламандскаго языка въ администраціи. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ всѣ обращенія власти къ гражданамъ должны дѣлаться на обоихъ языкахъ; должностныя лица обязаны сносятся съ коммунальными управленіями и частными лицами по фла-

мандски, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти управленія и лица сами желаютъ сношеній на языкѣ французскомъ. Напротивъ, въ округѣ (arrondissement) Брюссель (провинція Брабантъ) языкомъ сношеній признается французскій, если коммунальныя управленія или частныя лица не выразятъ желанія сносятся съ правительственными учрежденіями по фламандски¹⁾.

Изъ этого видно, что господствующимъ языкомъ, языкомъ учрежденій во фламандской Бельгій признается фламандскій, но французскій языкъ пользуется защитой и соответствующими правами, какъ языкъ меньшинства. Напротивъ, въ валлонской Бельгій господствуетъ языкъ французскій, а языкъ меньшинства (фламандскій) особой защитой закона не пользуется (за исключеніемъ Брюссельскаго округа). Тѣмъ не менѣе, фламандцы не жалуются на національное угнетеніе въ Намюрѣ или Лиежѣ, какъ валлонцамъ не приходится на него жаловаться въ Антверпенѣ. Это объясняется тѣмъ, что практика толкуетъ законы, касющіеся языковъ, расширительнымъ, а не ограничительнымъ образомъ, а это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что въ Бельгій нѣтъ національнаго антагонизма, несмотря на разноязычность населенія.

Между тѣмъ, поводъ для такого антагонизма могъ бы легко найтись, если бы исторія не снала бельгійцевъ въ достаточно прочное государственное. пожалуй даже національное цѣлое, проведя въ то же время достаточно рѣзкую грань между социальными классами, размежевавшими главнымъ образомъ не по этнографическимъ границамъ. Дѣло въ томъ, что приведенные законы требуютъ, чтобы во фламандской Бельгій съ Брюссельскимъ округомъ всѣ правительственныя учрежденія знали оба языка, а жизненная практика почти столь же настоятельно требуетъ того же и въ валлонской Бельгій. Между тѣмъ, лица, для которыхъ родной языкъ—фламандскій, гораздо легче и охотнѣе изучаютъ языкъ французскій, сближающій ихъ съ великою культурой, чѣмъ наоборотъ; поэтому, по общему правилу, фламандцу въ Бельгій нѣсколько легче добиться мѣста на государственной службѣ, чѣмъ валлонцу. Тѣмъ не менѣе, это различіе не настолько серьезно, чтобы можно было въ основу партійныхъ дѣленій положить національныя притязанія; поэтому-то націоналистическихъ партій въ Бельгій нѣтъ.

Еще дальше проведенъ принципъ равноправія трехъ языковъ въ Швейцаріи. „Три главныхъ языка Швейцаріи, гласитъ 116 ст. швейцарской конституціи, суть національные языки Союза“. Всѣ законы, почти всѣ обращенія власти къ гражданамъ публикуются на трехъ языкахъ и всѣ три

¹⁾ Изложеніе этихъ законовъ см. въ *Annuaire de législation étrangère*, Paris 1873 и 1878 и у J. J. Thonissen, *La constitution belge annotée*, 3-me éd., Bruxelles 1879, стр. 102 и сл.

текста признаются одинаково официальными; если некоторые второстепенные акты (например, касающиеся железнодорожного движения) не публикуются по-итальянски, то это только потому, что сами итальянцы, имеющие органъ для выражения своихъ желаній въ лицѣ правительства Тессинскаго кантона, не предъявляютъ соответственнаго требованія. Въ федеральномъ собраніи ораторы говорятъ на любомъ языкѣ, и всѣ рѣчи стенографируются и официально печатаются, на какомъ бы изъ трехъ языковъ онѣ ни были сказаны. Федеральныя власти сносятся съ кантональными и общинными учрежденіями и частными лицами на ихъ языкѣ. Для того, чтобы эта задача была осуществима, наблюдается, чтобы въ каждомъ правительственномъ учрежденіи были представлены всѣ три національные языка: для суда это предписано конституціей (ст. 107), для другихъ учреждений—либо отдѣльными законами, либо требованіями самой жизни и общимъ стремленіемъ не создавать національнаго вопроса ¹⁾.

Такимъ путемъ разрѣшается вопросъ о языкахъ въ наиболѣе свободныхъ и прогрессивныхъ (въ этомъ отношеніи) государствахъ. Но разрѣшеніе его здѣсь сравнительно просто, такъ какъ рядомъ съ нимъ тутъ вовсе не поставленъ національный вопросъ во всемъ его грозномъ объемѣ.

Вся задача тутъ сводится лишь къ тому, чтобы примирить интересы различныхъ людей, говорящихъ на различныхъ языкахъ, а не къ тому, чтобы удовлетворить противоположныя притязанія, примирить противоположныя интересы различныхъ національностей. Тамъ, гдѣ существуетъ нація, какъ совокупность людей, объединенныхъ общностью національнаго самосознанія, и выражающихъ притязанія на признаніе за ними имевшаго правъ отдѣльной національности, тамъ она не можетъ удовлетвориться такою жалкою подачкою, какъ возможность подавать прошеніе въ судъ на своемъ языкѣ. Она неизбежно будетъ требовать участія въ государственной власти, именно, какъ таковая; она будетъ требовать права вліять на организацію школы и характеръ преподаванія въ ней въ своемъ національномъ духѣ, и т. д.

Нужно сознаться, что такъ поставленный вопросъ не только не разрѣшенъ еще нигдѣ дѣйствующимъ государственнымъ правомъ, но даже программами наиболѣе заинтересованныхъ въ его разрѣшеніи политическихъ, хотя бы и национальныхъ партій, слѣдовательно, даже въ теоріи разрѣшеніе далеко не вполне удовлетворительно.

Большинство националистическихъ партій выдвигаетъ впередъ интересы своей національности, причемъ разрѣшаетъ ихъ при помощи территориальной

¹⁾ W. Burekhardt, Kommentar zur Schweizerischen Bundes-Verfassung vom 29. Mai 1874, Bern. 1905. Стр. 820, 870 и сл.